

Васильев Сергей Дмитриевич, Васильев Дмитрий Валентинович

ГЮЛИСТАНСКИЙ МИР И РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1810-Х ГГ.

Статья посвящена исследованию последствий Гюлистанского мира для развития российско-иранских отношений в первой четверти XIX в. Этот документ анализируется в сравнении с Тегеранским соглашением, укрепившим позиции Великобритании в Персии. Показаны неудачные попытки персидского правительства играть на российско-британских противоречиях с целью выстраивания суверенной позиции. Отмечается миролюбивая политика Петербурга и роль Лондона в сглаживании России и Персии с целью установления собственной гегемонии в регионе. Показано нагнетание региональной напряженности, разрешившееся позднее первым гератским кризисом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/5/9.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(79) С. 44-46. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

GAGAUZ PEOPLE MOBILIZATION TO THE "LABOUR ARMY" IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Bulgar Stepan Stepanovich

*Gagauzia Scientific Research Center named after M. V. Marunevici in Komrat, Gagauzia, The Republic of Moldova
bulg2004@mail.ru*

The article for the first time examines the destiny of Gagauz people mobilized to the "Labour Army" in 1944-1945 within the territory of the Moldavian Soviet Socialist Republic and Odessa region of the Ukrainian Soviet Socialist Republic to work as the "Labour Army" members in the USSR regions. The author introduces archival materials on Gagauz villages of Moldavia into scientific use, reveals little-known history of Gagauz people mobilization to the "Labour Army", and studies the problems of falsifying the history of the Great Patriotic War of 1941-1945 in the Republic of Moldova.

Key words and phrases: Gagauz people; Labour Army; The USSR; The Great Patriotic War of 1941-1945; mobilization; The Moldavian Soviet Socialist Republic; Odessa region.

УДК 94(470.6)"1813"(082)

Исторические науки и археология

Статья посвящена исследованию последствий Гюлистанского мира для развития российско-иранских отношений в первой четверти XIX в. Этот документ анализируется в сравнении с Тегеранским соглашением, укрепившим позиции Великобритании в Персии. Показаны неудачные попытки персидского правительства играть на российско-британских противоречиях с целью выстраивания суверенной позиции. Отмечается миролюбивая политика Петербурга и роль Лондона в сглаживании России и Персии с целью установления собственной гегемонии в регионе. Показано нагнетание региональной напряженности, разрешившееся позднее первым гератским кризисом.

Ключевые слова и фразы: Гюлистанский мир; Тегеранский договор; русско-иранская война; Иран; Российская империя; Великобритания; А. П. Ермолов.

Васильев Сергей Дмитриевич

*Санкт-Петербургский государственный университет
rokiserg@yandex.ru*

Васильев Дмитрий Валентинович, к.и.н., доцент

*Российская академия предпринимательства, г. Москва
dvvasiliev@mail.ru*

ГЮЛИСТАНСКИЙ МИР И РОССИЙСКО-ИРАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1810-Х ГГ.

Первое серьезное обострение англо-российских отношений на Среднем Востоке приходится на вторую половину 1830-х гг. и связано с первым гератским конфликтом. В это время персидская политика Российской империи расценивалась Лондоном как часть экспансионистских намерений в отношении восточного региона, создающих непосредственную угрозу английским колониальным владениям в Ост-Индии. Все действия англичан были направлены на то, чтобы устранить Россию как своего главного конкурента с персидского рынка. В свою очередь, Петербург стремился оказать давление на Англию с целью добиться ее уступок на театрах Ближнего и Среднего Востока и получить поддержку в решении турецкого вопроса (вопроса о черноморских проливах). В данной ситуации именно гератский поход Мухаммад-шаха столкнул Россию и Иран с Афганистаном и Англией, стал отправной точкой эскалации напряженности в регионе и дал старт «большой игре» двух европейских держав на средневосточной арене.

Этому предшествовал непростой период первых десятилетий XIX в., когда Иран постепенно и неуклонно втягивался в борьбу России и Великобритании за гегемонию в регионе. Начало этой борьбы приходится на первую русско-иранскую войну, завершившуюся Гюлистанским миром.

В начале XIX века в аграрном Иране доминировали феодальные производственные отношения [6, с. 117], некоторые изменения в которых стали проявляться к концу 30-40-х гг. того же столетия. В сельском хозяйстве отмечалось расширение частного землевладения. Буржуазные отношения стали проникать и в другие отрасли: расширялась торговля, началась определенная модернизация армии, появились типографии, стали издаваться газеты, публиковались переводы западной художественной литературы и научных трудов, страна постепенно открывалась для идей европейских просветителей [10, с. 5]. Промышленность была представлена простейшими (рассеянными и централизованными) мануфактурами, где самозанятые ремесленники постепенно становились наемными рабочими [6, с. 120]. Полноценные капиталистические мануфактуры стали возникать лишь к середине столетия. В политическом отношении Иран оставался неограниченной феодальной монархией Каджаров [5, с. 51].

Начало XIX в. в отношениях России и Ирана связано с первой русско-иранской войной 1804-1813 гг., итогом которой стал Гюлистанский мир (12 октября 1813 г.) [3, с. 208-214], признавший Карабахское, Ганджинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское ханства, Дагестан, Грузию, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию частями Российской империи. Статья IV соглашения обязывала

Россию признавать и поддерживать того из сыновей правителя страны, «...который от него назначен будет наследником персидского шаха...», не вмешиваясь при этом без официального приглашения в борьбу за престол. Особое значение имели статьи V и IX, первая из которых признавала за Российской империей исключительное право держать в Каспийском море военный флот, а последняя устанавливала максимальный размер таможенных пошлин для российских торговцев в пределах 5%, что фактически соответствовало пошлинам, установленным для купцов дружественных мусульманских государств. Стоит заметить, что гораздо позднее, в период активизации российского продвижения в Центральную Азию, Петербург выставлял такое же требование в переговорах с Бухарой, Кокандом и Хивой. Гюлистанский договор не установил точной границы между двумя государствами, признав *status quo*, что стало причиной последующих дискуссий.

Иранские исследователи по-разному оценивают это соглашение. А. Т. Бахш признал, что Гюлистанский мир не устраивал ни одну из сторон, оставляя каждой из них возможность перейти к практическим действиям по пересмотру границы [1, с. 171]. Али Акбар Бина считал, что *status quo* в большей степени устраивал Россию, давая ей шанс в будущем установить границу по р. Аракс [2, с. 12-13]. Однако с этим мнением вряд ли можно согласиться, ибо подписанный по настоянию Персии вскоре после Гюлистана «Сепаратный акт» оставлял ей возможность обратиться к российскому правительству с предложением о пересмотре условий соглашения. Надеждой на реванш объяснил позицию Персии другой иранский исследователь – Джамал Гузанлу [8, с. 249]. Это мнение поддержал и М. С. Иванов, признавая, что Фетх Али-шах, «...подписывая Гюлистанский мир, думал о новой войне с Россией и хотел заручиться помощью Англии» [6, с. 136].

Британский ответ не заставил себя ждать. 13 ноября 1814 г. в Тегеране между Великобританией и персидским правительством был заключен Тегеранский договор, подписание которого совпало с началом работы Венского конгресса, обозначившего заметный рост влияния России в международных отношениях.

Первая статья соглашения возлагала на Иран обязательство выйти из враждебных Англии союзов и не пропускать через свою территорию войска европейских стран, следовавших в индийские владения. Третьей статьей устанавливалось, что российско-персидская граница должна быть установлена соглашением с участием британской стороны. Это положение фактически денонсировало условия Гюлистанского мира, но, забегая вперед, заметим, что реализовано оно не было. Следующая статья гарантировала тегеранскому правительству военную или значительную материальную помощь в случае нападения на Иран европейского государства. Иран же, в свою очередь, брал на себя обязательство выставить на британской стороне войска во время возможной войны англичан с Афганистаном. При этом Лондон не должен был вмешиваться в военный конфликт между Тегераном и Кабулом [16].

Безусловно, Тегеранский договор заметно укрепил зависимость Ирана от Великобритании. Можно согласиться с мнением отечественных историков в том, что это соглашение противоречило Российско-британскому союзному договору 1812 г. и Гюлистанскому миру 1813 г., подогревая интерес Ирана к агрессии против уже российского Кавказа [11, с. 127]. При этом оно способствовало «...утверждению Англии в Персидском заливе, росту английского влияния и торговли в Иране, обеспечивало базу для развертывания активной английской политики на Кавказе и в бассейне Черного моря» [14, с. 176]. Добавим, что этот договор был секретным, и о его существовании российское правительство ничего не знало вплоть до 1818 г. [13, с. 25-26], хоть с момента его подписания в Петербург стали просачиваться сведения о растущем недовольстве шаха условиями Гюлистанского мира.

Вдохновленный Тегеранским договором Фетх-Али-шах направил в российскую столицу посольство Мирзы Абуль-Хасан-хана с поручением добиться возврата хотя бы части утраченных территорий [6, с. 137; 15, с. 131]. Императорское правительство, озабоченное европейскими делами, прибегло к маневру, призванному не осложнять отношений с Ираном. Шахскому послу было заявлено, что новая граница между двумя государствами не обеспечивает безопасности российских владений. А потому было решено направить на место генерала А. П. Ермолова с поручением определить перспективу возвращения Персии некоторых территорий без вреда для интересов империи [9, с. 97].

В июне 1816 г. Ермолов получил уникальное назначение. Он стал чрезвычайным послом в Персии и одновременно командиром Отдельного Грузинского корпуса и управляющим гражданской частью на Кавказе и в Астраханской губернии. Обозрев на месте российские владения, генерал пришел к выводу, что любая уступка новых приобретений лишь создаст неудобства для безопасности государства. Это мнение было поддержано императором [12, с. 33].

Переговоры Ермолова с иранским правительством продолжались с мая по октябрь 1817 г. Обстановка была напряженной. Миссия находилась фактически в изоляции, наблюдала военную демонстрацию и доминирующую роль англичан в военной, экономической и политической сферах государственной жизни Ирана [4, с. 10; 11, с. 131-132]. Кроме удержания новых земель, на генерала возлагались задачи по открытию российских консульств в Астрабаде и Гиляне, заключению антитурецкого союза и ослаблению британского влияния [12, с. 34].

В итоге положение российско-иранской границы осталось таким, каким было зафиксировано Гюлистанским договором. Постоянная российская дипломатическая миссия была учреждена в Тебризе (при наследнике престола). При этом предложения о консульствах и союзе против Турции были отвергнуты. Иранское правительство фактически уклонилось от выдачи российской стороне русских пленников и дезертиров. И, хотя устранить британское влияние не удалось, миссия А. П. Ермолова смогла добиться отмены унижительного придворного церемониала для представителей российского императора [7]. Можно по-разному оценивать результаты миссии Ермолова, но нельзя не признать того, что она заложила основу для некоторой стабилизации российско-иранских отношений и способствовала их развитию в перспективе. Постоянная российская миссия в Тебризе была учреждена в 1818 г., а через год в составе МИДа появился Азиатский департамент.

На 1821-1823 гг. выпало сближение российской и иранской позиций. Оно развивалось на фоне временных осложнений финансового характера между Ираном и Великобританией, отказавшей шаху в материальной

поддержке [11, с. 138, 140]. Однако уже в середине десятилетия ситуация изменилась и Россия оказалась втянутой в новую войну с Ираном. Начался новый раунд борьбы европейских держав за политическое доминирование в этом регионе.

Список источников

1. Джахиева Э. Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII – начале XIX в. (1774-1826 гг.): дисс. ... к.и.н. Махачкала, 1988. 243 с.
2. Джахиев Г. А. Дагестан в международных отношениях на Кавказе (1813-1829). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1991. 76 с.
3. Договоры России с Востоком. Политические и торговые / сост. Т. Д. Юзефович. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1869. 296 с.
4. Ермолов А. П. Записки Алексея Петровича Ермолова. М.: Университетская. тип., 1868. Ч. 2. 1816-1827 гг. 192 с.
5. Иванов М. С. Антифеодальные восстания в Иране в середине XIX в. М.: Наука, 1982. 247 с.
6. Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М.: Госполитиздат, 1952. 468 с.
7. Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX в. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1961. 297 с.
8. Игамбердыев М. А. Русско-иранская война 1804-1813 гг.: дисс. ... к.и.н. М., 1949. 268 с.
9. Каракоч Л. Два барса. Генерал Ермолов и принц Аббас-мирза Каджар // Родина. 2001. № 1. С. 96-98.
10. Кузнецова Н. А. Иран в первой половине XIX в. М.: Гл. ред. вост. лит. Изд-ва «Наука», 1983. 265 с.
11. Орлик О. В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг.: от Венского конгресса до Адрианопольского мира. М.: Наука, 1998. 270 с.
12. Салихова Д. Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века: дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2007. 184 с.
13. Семенов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. 142 с.
14. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М.: Соцэргиз, 1958. 244 с.
15. Фадеев А. В. Россия и восточный кризис 20-х гг. XIX века. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 396 с.
16. Collection of Treaties, Engagements and Sanads Relating to Neighboring Countries / compiled by C. U. Aitchison. 5th ed. Calcutta, 1933. Vol. 13. 350 p.

THE TREATY OF GULISTAN AND RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS IN THE 1810S

Vasil'ev Sergei Dmitrievich
Saint Petersburg University
rokiserg@yandex.ru

Vasil'ev Dmitrii Valentinovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Russian Academy of Entrepreneurship in Moscow
dvvasiliev@mail.ru

The article is devoted to analyzing the consequences of the Treaty of Gulistan for the development of Russian-Iranian relations in the first quarter of the XIX century. The document is analyzed in comparison with the treaty of Tehran, which consolidated Great Britain's position in Persia. The paper shows the unsuccessful attempts of the Persian government to play on Russian-British contradictions with a view to develop an independent policy. The authors emphasize Petersburg's peaceful policy and the role of London to drive a wedge between Russia and Persia in order to establish its own hegemony in the region. The researchers show the increasing regional tension that finally resulted in the first Herat crisis.

Key words and phrases: The Treaty of Gulistan; The Treaty of Tehran; The Russian-Iranian War; Iran; The Russian Empire; Great Britain; A. P. Ermolov.

УДК 7; 18:7.01

Искусствоведение

В статье анализируется ряд произведений академической ветви творчества Дж. Лорда – Концерт для группы с оркестром, сюита «Окна», созданная совместно с Э. Шёном сюита «Сарабанда». Рассмотрению подвергаются стилистическое многообразие экспериментального контента музыки Дж. Лорда, присутствие в его творчестве внеевропейских музыкальных комплексов, просматривается степень органики претворения различных культурных традиций, прослеживаются связи его музыки с творчеством композиторов академической традиции.

Ключевые слова и фразы: Джон Лорд; «Сарабанда»; «Окна»; «Он замечал подобные вещи»; *memory*; *unity*.

Виниченко Андрей Анатольевич, к. искусствоведения, доцент
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
yuzer1965@mail.ru

**СТИЛИСТИЧЕСКИЕ И ЖАНРОВЫЕ ТРАДИЦИИ
АКАДЕМИЧЕСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖОНА ЛОРДА**

Претворение стилистических и жанровых традиций академической музыкальной культуры и использование этнических художественных комплексов стало одним из основных векторов приложения творческих